

Уважаемый читатель!

По отзывам, первый номер «Красносельского светоча», вышедший в 2021 году, был одобрен жителями района. Надеемся, что церковно-исторические и краеведческие материалы, собранные в новом номере, также найдут своего заинтересованного читателя.

Красносельский храм Богоявления – архитектурный символ и духовный центр Красносельского района. Надеемся, что интерес вызовет публикуемое впервые описание церкви, составленное местным священником в начале XIX века и сохранившееся в архиве князей Вяземских.

Вглядитесь в икону архангела Михаила – она откроет вам мир древней намоленной Руси, поражающей всех высотой духа и творчества, красотой таланта и жертвенностью души. Икона представляет не только духовную, но историко-культурную ценность; лишь одна она уцелела из уничтоженного иконостаса Богоявленской церкви.

СЛОВО

В годы лихолетья взойшёл на свою Голгофу служивший в селе Сидоровское иерей Василий Разумов, и его трагическую судьбу разделили тысячи священников и мирян. Духовный подвиг новомучеников и исповедников XX столетия обращён к нам, живущим в новом веке. Следуем ли мы их примеру в вере и любви к Богу и Его творению – человеку?

Восстанавливая историческую память, обратимся к трудам наших выдающихся земляков. Жители села Подольское по праву могут гордиться тем, что именно здесь родился профессор Николай Покровский – замечательный учёный, никогда не забывавший своих корней и свою малую родину. Рассказывая о кустарях-ювелирах, он опирался на личные наблюдения и воспоминания старожилов.

История восстановления Карабановской церкви свидетельствует о том, с какими трудами происходит возвращение забытых имен и возрождение разрушенных святынь.

Желаю, чтобы «Красносельский светоч» принёс духовную пользу нашим читателям. Пусть свет просвещения и исторической памяти откроет мир добра и красоты, вновь напомним, в каком замечательном крае мы живем.

*Протоиерей
Дмитрий Сазонов,
кандидат богословия,
председатель
Костромского церковно-исторического общества.*

Образ

Икона архангела Михаила

Иконостас и всё внутреннее убранство красносельского храма Богоявления уничтожили в послереволюционные годы. Единственная из уцелевших икон – образ архангела Михаила, написанный для деисусного ряда.

С помощью документов Ипатьевского монастыря искусствовед Евгений Кудряшов установил, что один из членов работавшей в обители артели «иконник Устин ездил с Василием Кривоперстовым в село Красное, что на р. Волге, для письма икон в Богоявленской церкви 1592 года».

Стилистически «Архангел Михаил» близок произведениям иконописцев, работавших в царствование Бориса Годунова. Размеры иконы: 197 см на 66,5 см.

По сведениям искусствоведа Светланы Катковой, после революции икона много лет служила щитом в разбитом окне, поэтому живопись имеет значительные утраты.

В 1988 году образ отреставрировал Гимн Губочкин, работавший в Костромской специализированной научно-реставрационной производственной мастерской.

Сейчас икона хранится в Костромском государственном историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике, её можно увидеть в постоянной экспозиции в здании Романовского музея.

Как отмечала научный сотрудник музея-заповедника Вера Лебедева, «Архангела Михаила иконописец, вслед за мастерами рублёвского круга, видит добрым ангелом-хранителем, в соответствии с вызревшим в христианстве убеждением, что борьба со злом требует абсолютной погруженности в добро. Нежность мягкого округлого лика, тёплый фон, состояние напряженного слушания высшей воли и слияния с нею вызывают то молитвенное чувство, которое призвана пробуждать икона в душе верующего человека на пути его восхождения к Богу».

Н.С.

Петропавловский и Богоявленский храмы в селе Красное. Нач. XX в.

Николай ПОКРОВСКИЙ

Кустари-ювелиры Костромской губернии

На необъятной территории нашего отечества есть один крошечный уголок, на который мы и намерены обратить внимание. Уголок этот находится в Костромской губернии, верстах в 35-40 вниз по течению Волги. Местность превосходная, живописная, привольная. Великий водный путь – Волга разрезывает этот уголок на две неравные части. Население довольно густое; сёла и небольшие деревушки постоянно проходят пред глазами любопытного наблюдателя.

Население почти исключительно состоит из крестьян. Народ – бойкий, грамотный, веселый и живой, свободолюбивый, с наклонностью к щегольству, в исключительных случаях даже роскоши; словом – в основных чертах характера этого населения отражаются те же самые

черты, которыми отличается характер населения Среднего Поволжья вообще. Если около этого уголка описать круг с селом Красным в центре, то радиусы от центра к периферии будут около 5-7 вёрст, причём крайними крупными пунктами будут: к с[еверо]-з[ападу] – деревня Слобода, к ю[гу] – с. Сидоровское, к в[остоку] – Подольское, к с[еверу] – дер. Оферково (слабый пункт), к с[еверо]-в[остоку] – дер. Веселово. Земледелием и вообще сельским хозяйством большинство населения занимается сравнительно мало, хотя и не порывает совсем связей с землёю. Главный промысел его составляют мелкие ювелирные изделия из серебра, отчасти из золота и меди. Неизвестно с точностью, в какое время и каким образом возникло здесь

В 2023 году исполнится 175 лет со дня рождения Николая Васильевича Покровского (1848-1917) – выдающегося историка искусства и церковного археолога, доктора церковной истории, профессора Санкт-Петербургской духовной академии, директора Императорского Санкт-Петербургского археологического института, почётного члена Костромского церковно-исторического общества и многих других научных обществ.

Н. В. Покровский родился в семье священника Успенской церкви села Подольское и никогда не забывал свою малую родину. Сохранилась его переписка с земляками, которые нередко обращались к нему за помощью.

Прочитанный 15 декабря 1901 года в Императорском обществе поощрения художеств доклад Н. В. Покровского «Кустари-ювелиры Костромской губернии» был издан небольшим тиражом в 1902 году и с тех пор не переиздавался. Орфография в публикации приближена к современной, некоторые сокращения раскрыты в квадратных скобках.

это производство, и нельзя указать никаких местных условий, которые бы прямо склоняли именно к нему население. Можно с вероятностью предполагать, что оно явилось не ранее начала XIX столетия и занесено сюда из С.-Петербурга или из Москвы. Я помню, что в детстве мне рассказывали некоторые из подольских стариков-кустарей, что они в молодости обучались серебряному мастерству в С.-Петербурге у мастера-немца, на Петербургской стороне, на Грязной улице. Это, конечно, частность; серебряное мастерство было здесь уже и раньше 30-40-х годов, к которым относятся упомянутые рассказы; однако любопытно то, что ещё до сих пор у кустарей некоторые предметы и инструменты удерживают иностранные названия, например, лобзук, пресс, вальц, фарба, супир и др. Как бы то ни было, но производство ювелирное здесь было уже распространено в начале XIX века, а в последнюю половину XIX века достигло весьма больших размеров. В Красносельской волости им занимаются в 23 селениях, в Сидоровской – в 26. Число всех мастерских, точнее – дворов или семейств, где изготавливаются эти вещи, доходит до 1000; число рабочих рук,

считая 3-4 человека на каждую мастерскую, простирается до 4000 человек. Мастерством занимаются не только взрослые мужчины и женщины, но и молодежь – мальчики и девочки: в прежнее время, за отсутствием правильно-организованных школ, они начинали заниматься мастерством с 7-8-летнего возраста, теперь с 12-13 лет, чаще – по окончании курса в школе.

В 1900 году, как видно из сведений местной Пробирной палатки, кустари-ювелиры сделали серебряных вещей 1112 пудов. Сверх того – несколько тысяч пудов медных крестов, колец и проч. Для серебряных вещей они употребляли в дело серебра на 850 тысяч рублей (считая 19 копеек) за золотник серебра; продали товара на 1 миллиона руб.; получили за работу около 250 тысяч; следовательно, около 60 р. на каждого работника. Цифры весьма почтенные; но они будут иными, если мы вспомним, что значительная доля заработка выпадает по необходимости на долю крупных заказчиков, прасолов, отправляющих товар большими партиями в крупные торговые центры. При условиях неблагоприятных заработок среднего мастера-кустаря понизится до 80 р. в год, а при самых благоприятных хороший мастер заработает до 500 р. в год. Смотря по трудности работы, мастер получает с каждого сделанного золотника серебра от 1 до 12 копеек за работу; так что мелкая ювелирная вещь из серебра, примерно в 1 золотник весом, при стоимости серебра в 17 коп. за золотник, может быть продана за 20-25 копеек.

Ювелирные изделия костромских кустарей идут в Петербург, Москву, Киев, Н.-Новгород, Харьков, Курск, Полтаву, в Сибирь, в Персию, на

Кавказ, в Среднюю Азию, Афганистан, доходят и до Индии; серебряные образки идут также на Новый Афон. Спрос на эти изделия идёт главным образом из среды простонародья, отчасти из среднего класса городского населения.

Инструменты кустарей-ювелиров довольно просты и недороги. Бедный кустарь может иметь инструментов всего на 1 рубль; для оборудования большой мастерской потребуется инструментов на 1000 рублей и даже на 2000 рублей.

Для большой мастерской, которая получает серебро в сыром необработанном виде, нужны: вальс для вальсирования серебра, пресс для вырезки вещей, напр., крестов, бойня для штампования, волока и ворот, верстаки, пилы и подпилки, ножницы для резки металла, тиски, плавцанки, стальное сверло, лобзик (английская пилка), наковальня, молотки, клещи, воронило, февка, стальные чеканы разных видов, штампы разных форм и рисунков. Если для большой мастерской все эти приборы составляют дело необходимости, то для маленького кустаря, каковых огромное большинство, многие из них не нужны; кустарь получает материал уже подготовленный к работе; ему нужен верстак, наковальня, плавцанки, подпилки, лобзик, сверло, молоток, воронило, – вообще инструменты мелкие; для пользования крупными инструментами кустарь может отправиться в ту или другую большую мастерскую и прежде всего, конечно, в ту, на владельца которой кустарь работает.

Предметы, изготавливаемые кустарями-ювелирами, весьма разнообразны по своим формам и назначению; в одних – работа проще и легче, в дру-

Рассказывает профессор Свято-Филаретовского института **Александр Копировский:**

– Труды Н. В. Покровского церковная археология, изучающая храмовую архитектуру, мозаики, фрески, иконы, утварь и богослужебные одежды, стала самостоятельной и расширилась от Средневековья до Нового времени. Он собрал, классифицировал и издал огромный материал по искусству России и христианского Востока. При этом от внешнего описания явлений церковной культуры исследователь перешёл к систематизации, анализу и теоретическому обобщению.

могли бы воспринимать их красоту и сохранять её, не допуская в древних храмах произвольных переделок. Его учебник «Церковная археология в связи с историей христианского искусства», изданный в 1916 году, до сих пор используют в семинариях и вузах.

Дословно

Свою задачу Н. В. Покровский видел в том, чтобы выпускники духовных школ, будущие священники, не только знали сюжеты икон, символика церковных зданий и богослужебных предметов, но могли бы воспринимать их красоту и сохранять её, не допуская в древних храмах произвольных переделок. Его учебник «Церковная археология в связи с историей христианского искусства», изданный в 1916 году, до сих пор используют в семинариях и вузах.

гих сложнее и труднее; одни являются из мастерской в виде белых серебряных вещей, иные – жёлтые позолоченные, иные с разноцветными камнями, т.е. стеклами, иные – с эмалью.

Интересно

Статьи в журнале «Русский вестник» Н. В. Покровский подписывал псевдонимом «Н. Подольский».

Главнейшая часть ювелирного производства сводится к следующим группам: кресты и образки, цепи шейные для креста и часовые разных форм, брелоки и запонки с резьбой на шалнерах, часто с эмалью, вилочки и щипчики для чайных сервизов, браслеты, серьги, кольца и перстни (прилагаемые при сём в снимках образцы взяты их мастерских В. Н. Чулкова, Е. А. Блёткина и Я. К. Рубцова – Прим. автора).

Кустарь протягивает проволоку

Каждый серебряный предмет, выпускаемый в продажу, имеет клеймо и штемпель мастера. Для этой цели устроена здесь, в с. Красном, Пробирная палатка. Имеется здесь и школа, в которой преподаётся техническое рисование. Однако, если говорить о прогрессе в области этого ремесла, то нельзя не согласиться, что он весьма незначителен. Дело подвигается вперед весьма туго. Мало улучшается стиль, мало прогрессирует и техника. Отчего это зависит? То обстоятельство, что кустарное производство стоит в зависимости от спроса, и что поэтому кустари должны давать потребителю то, чего он требует, – объясняет указанный застой очень мало. Конечно, значительный спрос на так называемый архангельский товар заставляет кустарей по необходимости идти навстречу этому спросу и изготавливать серьги одного и того же старого фасона, тем же старым способом. Но это лишь одна

сторона дела, притом не существенная. Указывают некоторые на то, что усовершенствование производства неизбежно повлечёт за собою вздорожание его, и это отразится невыгодно на сбыте. Опасение это также совсем не имеет угрожающего характера, и не здесь главный тормоз ювелирного дела.

Коренные причины застоя заключаются в недостатке правильно организованной и хорошо поставленной школы и – денег. Почему эти изделия туго распространяются среди интеллигенции, почему обычно предпочитают им изделия петербургские и заграничные? Потому, что последние сделаны гораздо чище, аккуратнее, изящнее: не та работа! – это скажет всякий. Почему костромские кустари не изготавливают очень выгодных и ходовых вещей, напр., серебряных ложек, вилок, подстаканников, подносов, surtout de table (центральное украшение парадного обеденного стола. – Прим. ред.) и проч. и проч.? Потому что нет необходимых инструментов. Почему не готовят они мелких безделушек, напр., праздничных подарков, которые у нас получаются из-за границы и за которые мы буквально платим в 10-20 раз более их нормальной стоимости? Потому что нет образца, некому показать, что именно нужно сделать, да неизвестно и то, куда сбыть эти вещи. Дело очень простое и выгодное, но для кустаря оно новое; и рисковать не приходится, когда семья просит хлеба сейчас же. Вот почему они и придержива-

Работа на ручных вальцах

ются старых приемов и старых образцов. Попадет им случайно петербургский ходовой образец, напр., часовой цепи, изготовление которого не требует никаких новых приспособлений, – они будут копировать его; не прочь они позаимствовать кое-что из случайно попавшей под руку иллюстрации, даже из простой этикетки. Вообще, нужно сказать, что у кустарей много здравого смысла, много смелки, есть и навык к ювелирной работе и художественное чутье, но нет школы, которая бы повела их к цели кратчайшим и надежнейшим путем, усовершенствовала их технику и рисунок; нужны им лучшие образцы работы; необходим кредит и организация правильного сбыта. Но говорить об этом предмете я считаю в настоящий раз излишним, тем более, что благодаря просвещенным работам министерства финансов многие из существенных мероприятий к улучшению этого дела уже приняты и намечены; устроены – Пробирная палатка и школа, поставлен на очередь

вопрос об артелях, о беспроцентной ссуде и о казенной продаже серебра. Не могу лишь в заключение не выразить сердечного пожелания, чтобы эти благие мероприятия доведены были до благополучного конца и даже расширены в своём объёме. Кустарно-ювелирное дело – прекрасное и многообещающее: для местного населения в нём заключается почти единственное средство к существованию; для России – это прелестная звездочка на сером горизонте русской кустарной промышленности. Я убежден, что с изменением условий этой промышленности в неё войдет незаметно сильная струя художественности. Все необходимые задатки к тому уже имеются налицо и, быть может, уже недалеко то время, когда здесь вырастет и окрепнет одна из ветвей национального русского искусства.

Отчет о деятельности Императорского общества поощрения художеств. С 1 января 1901 г. по 1 января 1902 г. СПб., 1902. С. 35-40.

От сына – к отцу, от отца – к сыну

Автограф

Одно из самых известных произведений Н. В. Покровского – отмеченный большой золотой медалью Русского археологического общества фундаментальный труд «Евангелие в памятниках иконографии, преимущественно византийских и русских», за который автору была присуждена учёная степень доктора церковной истории. На титульном листе экземпляра, хранящегося в библиотеке Музея древнерусского искусства имени Андрея Рублева, имеются автографы Н. В. Покровского и его отца.

По данным доктора искусствоведения Аглаи Ашешовой, изучавшей архивный фонд учёного, его отец Василий Николаевич Покровский более двадцати лет служил в Успенской церкви села Подольского, некоторое время был викарием в городе Плесе, а в 1879-1892 годах служил в храме пророка Илии в Костроме, где и скончался. В. Н. Покровский погребён в селе Подольском, где продолжил служить его зять.

В верхней части листа рукою автора написано: «Докторская диссертация. Дорогому любвеобильному отцу посвящает преданный сын-автор. 12.XII.91» (фактический год издания).

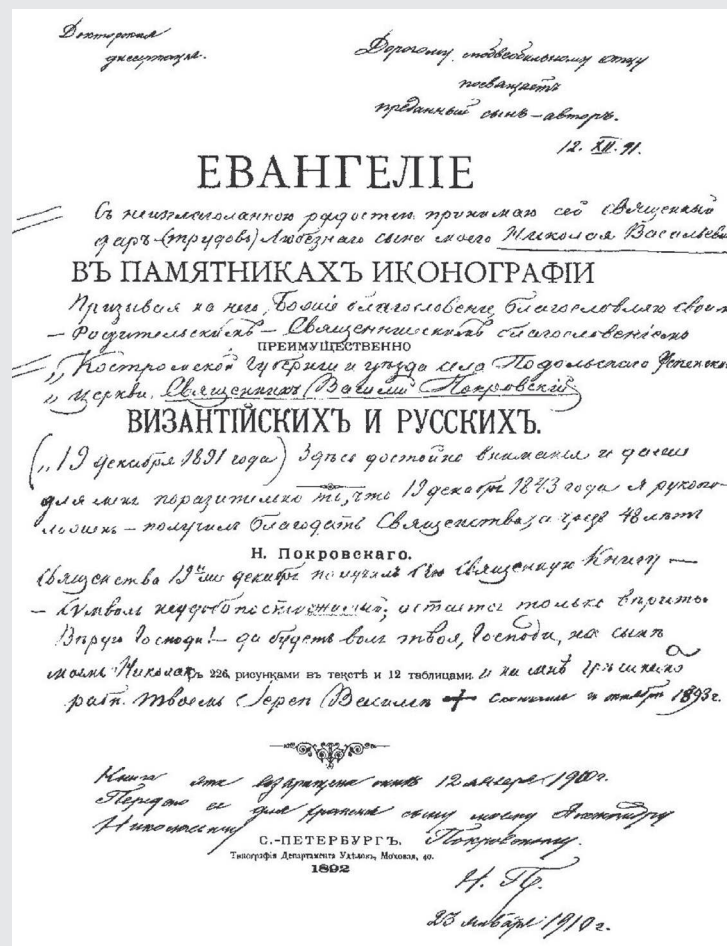
Ниже – автограф его отца: «С неизглаголанною радостью принимаю сей священный дар (труд) любезного сына моего Николая Васильевича. Призывая на него Божие благословение, благословляю своим родительским священническим благословением. Костромской губернии

и уезда села Подольского Успенской церкви священник Василий Покровский (19 декабря 1891 года). Здесь достойно внимания и даже для меня поразительно то, что 19 декабря 1843 года я рукоположен – получил благодать священства, а чрез 48 лет священства 19-го же декабря получил сию священную книгу – символ неудобопостижимый; остаётся только верить – Верую, Господи! – да будет воля твоя, Господи, на сыне моём Николае и на мне, грешном рабе Твоем иерее Василии».

Далее пометка рукою Н. В. Покровского: «† Скончался в октябре 1893 г.»

Наконец внизу той же рукою: «Книга эта возвращена мне 12 января 1900 г. Передаю её для хранения сыну моему Александру Николаевичу Покровскому. Н. П. 23 января 1910 г.»

По словам члена-корреспондента Российской академии наук Герольда Вздорнова, впервые опубликовавшего эти автографы, выдающийся труд Н. В. Покровского «до сих пор остаётся основополагающим исследованием новозаветной иконографии, неиссякаемым источником самых разнообразных сведений по евангельской истории греко-восточной Православной Церкви».

Публикации подготовил Николай Сорокин, кандидат исторических наук.

«В годину лютую к пастырству призванный...»

Житие священномученика иерея Василия Разумова

Священномученик иерей Василий Разумов в 1930-1932 годах служил в селе Сидоровское настоятелем Свято-Никольского храма и спас его от закрытия.

Священномученик иерей Василий Васильевич Разумов родился 2 марта 1879 года в деревне Кучино Шишкинской волости Костромского уезда Костромской губернии (ныне это территория Судиславского района) в бедной крестьянской семье. По свидетельству самого святого, его отец – Василий Георгиевич Разумов, был человеком «крайне религиозным и любителем церковного пения». Известно, что Василий Васильевич имел брата Ивана, который впоследствии также стал священником.

Семья Разумовых по своей бедности не могла дать детям хорошего образования; известно, что Василий Васильевич закончил только земскую школу. После того, как отец семейства в 1895 году скончался, шестнадцатилетнему юноше Василию пришлось жить самостоятельно, зарабатывая себе на хлеб тяжелым крестьянским трудом.

Настоящим утешением для Василия Разумова была любовь к благолепию церковной службы, привитая благочестивым отцом. Материальная скудость, однообразный крестьянский быт, повседневные заботы – все отступало в сторону, когда Василий переступал порог храма и погружался в священную атмосферу православного богослужения. Вместе со святым пророком и псалмопевцем Давидом он мог бы воскликнуть: «Одного просил я у Господа, того только ищу, чтобы пребывать мне в доме Господнем во все дни жизни моей, созерцать красоту Господню и посещать святой храм Его» (Пс. 26, 4).

Эту любовь к богослужению Православной Церкви Василий Разумов пронесёт в своем сердце до конца жизни.

С девятилетнего возраста отрок Василий, наделенный Господом прекрасными музыкальными способностями, начал петь

на клиросе в своей приходской церкви Успения Пресвятой Богородицы в селе Романове, а в пятнадцать уже управлял церковным хором. Юноша самостоятельно освоил нотную грамоту и усердно занимался самообразованием, совершенствуя своё регентское мастерство. Приятный от природы голос Василия и его благоговейная манера пения привлекали внимание многих молившихся в Успенской церкви.

В 1899 году Василий Васильевич женился. Его избранницей стала простая благочестивая девушка из крестьян, Александра Фёдоровна, к тому времени достигшая двадцатидвухлетнего возраста. Впоследствии супруги Разумовы имели пять детей: Анатолий (родился в 1904 году, стал священником), Алексей (родился в 1912 году), Анна (родилась в 1915 году), Павел (родился в 1917 году) и Борис (родился в 1919 году). Александра Фёдоровна самоотверженно разделяла со своим любимым супругом испытания и лишения, выпадавшие на его долю в скорбные послереволюционные годы.

В 1903 году Василий Разумов стал учителем церковного пения в церковно-приходской школе села Романово.

Теперь он получил возможность делиться с крестьянскими детьми знаниями, накопленными кропотливым самостоятельным трудом. На уроках молодого учителя детские души приобщались того духа живой и деятельной веры, который носил в своём сердце их благочестивый наставник. Уже тогда всеблаготворительный промысел Божий вёл Василия Васильевича к принятию священства, хотя молодой педагог и не имел никакого богословского образования.

Продолжая трудиться на педагогическом поприще, Василий Васильевич в 1908 году учительствовал в селе Болотове близ Су-

диславля, а в 1909 году перешёл в Иоанно-Богословский приход в селе Баран, где освободилась храмовая вакансия регента и псаломщика. Там он подвизался шесть лет, сочетая преподавание в местной школе с любимым делом – церковным пением и участием в богослужении.

Усердие и природные дарования Василия Васильевича не остались незамеченными.

В ноябре 1915 года он, скромный сельский псаломщик, указом управлявшего в то время Костромской епархией епископа Костромского и Галичского Евгения (Бережкова) был удостоен рукоположения в сан диакона и назначения в один из самых известных храмов епархии – Успенский собор города Кинешмы. Диаконская хиротония состоялась 22 ноября 1915 года, а в январе 1916 года отец Василий со своей семьей переехал в Кинешму, к месту своего служения в священном сане.

Уездный город Кинешма (ныне – районный центр Ивановской области), расположенный в 100 километрах от Костромы вниз по течению Волги, в то время считался третьим по значению городом Костромской губернии (после Костромы и Галича). Викарный архиерей Костромской епархии в начале XX века носил титул епископа Кинешемского. В описываемый период Кинешемскую кафедру занимал преосвященный Севастиан (Вести), в последующем также претерпевший страдания за веру Христову.

В Кинешме отец Василий пребывал до лета 1918 года. Когда в 1918 году владыка Евгений был устранен от управления епархией и обязанности правящего архиерея временно принял на себя епископ Севастиан, он, хорошо зная диакона Василия, возвёл его в сан протодиакона и перевел на служение в Кострому, во всемирно известный Богояв-

Сщмч. иерей Василий Разумов с супругой и сыновьями. Сер. 1920-х гг.

ленско-Анастасиин женский монастырь, основанный в 1426 году учеником и сродником игумена земли Русской преподобного Сергия Радонежского – преподобным Никитой. Благоговейное служение протодиакона Василия Разумова в монастырском соборе продолжалось четыре года.

В 1922 году в жизни отца Василия произошло знаменательное событие: он был рукоположен во иерея и назначен священником Спасо-Преображенского собора города Судиславля (ныне – районный центр в 50 километрах от Костромы).

Так наконец исполнилась заветная мечта сына простого крестьянина, всю свою жизнь посвятившего Христу и Его Церкви.

Судиславский храм Преображения Господня, живописно расположенный на горе, с высокой колокольней, парящей в небе над городом, является одной из достопримечательностей церковного зодчества на Костромской земле. Здесь отец Василий совершал свои первые богослужения в иерейском сане, крестил, исповедовал, утешал скорбящих. Однако над Русской Православной Церковью в это время сгущались чёрные тучи: прошло

уже несколько лет после полной ликвидации системы богословского образования, по всей стране закрывались и осквернялись храмы и монастыри, совершались первые массовые расстрелы священнослужителей, а Соловецкий лагерь особого назначения принимал многие партии осужденных за исповедание имени Христова.

Спасо-Преображенский собор, духовный центр Судиславля, не мог не вызывать раздражения у богоборческих властей. В конце 1928 года собор был закрыт, и отец Василий со своей семьей отправился дальше на север, перейдя на служение в один из храмов города Галича. Когда через два года эту церковь также закрыли, новым местом церковных трудов священника Василия Разумова стал Свято-Никольский храм села Сидоровское в Красносельском районе, расположенный на правом берегу Волги недалеко от впадения в неё реки Шача.

Именно в это время по всей стране насильственно проводилась коллективизация, которая в условиях советской власти выражалась не только в объединении крестьянских хозяйств, но и в сломе старого уклада жизни

Тропарь, глас 4

От юности красоту церковную возлюбил еси, благодатию Духа Святаго дивно украшенный, добрый пастырю стада словесных овец, их же от расхищения мужески спасая, сам от безбожных лютых страдания претерпев, велие дерзновение пред Богом обрел еси, отче священномучениче Василие, моли Христа Бога спастись душам нашим.

Кондак, глас 3

В годину лютую к пастырству призванный, в обители преподобного Пахомия подвизался еси, множество душ к покаянию и спасению приведый, за Христа пострадав даже до крове, ныне усердно молися о нас, священномучениче Василие.

МОЛИТВЫ

земледельцев, в насаждении на селе новой идеологии, основанной на атеистическом мировоззрении.

Естественно, что в таком «новом мире» места для Бога и Церкви на селе не находилось. Весной 1932 года власти предприняли первую попытку закрыть Свято-Никольский храм, однако отцу Василию вместе с членами приходского совета удалось собрать большое количество подписей под обращением в защиту церкви и тем самым спасти её от поругания. Бесстрашно решившись на такие действия, настоятель и наиболее ревностные прихожане храма определили свою последующую судьбу.

28 октября 1932 года группа духовенства и мирян Густомесовского благочиния во главе с благочинным, отцом Михаилом Язвиным – священником Успенской церкви села Густомесова была арестована красносельскими чекистами и заключена в костромскую тюрьму, именовавшуюся тогда «Домзак». Среди арестованных находился и священник Василий Разумов. Тройка ОГПУ по Ивановской области предъявила отцу Василию обвинение в «антисоветской и антиколхозной деятельности», и 24 января 1933 года он был приговорен к лишению свободы в исправительно-трудовом лагере сроком на 5 лет.

Пребывание отца Василия в заключении на Севере продлилось около трёх лет – его освободили досрочно (очевидно, по состоянию здоровья). В ноябре 1935 года, прибыв в Кострому, он был принят управляющим епархией архиепископом Никодимом (Кротковым) – старцем-святителем, в конце своей жизни принявшим мученический венец, местночтимым святым Костромской епархии. Архиепископ Никодим назначил отца Василия священником Свято-Троицкого храма села Троица близ Нерехты.

Свято-Троицкая церковь была построена в 1675-1676 годах и первоначально являлась храмом Троице-Сыпанова мужского монастыря, основанного во второй половине XIV века учеником святого Сергия Радонежского преподобным Пахомием Нерехтским. После упразднения в XVIII веке Троице-Сыпановой обители храм, обращенный в приходской и хранивший в своих стенах под спудом святые мощи преподобного Пахомия, оставался одной из почитаемых святынь Костромской земли.

За несколько месяцев до назначения отца Василия на служение Троицкий храм, продолжительное время удерживавшийся расколниками, сторонниками так называемого «обновленчества», усилиями святителя Никодима был возвращен Матери Церкви. Новому священнику предстояло приложить много сил, чтобы уврачевать вредные последствия раскола. Отцу Василию это удалось в полной мере: меньше чем за год его служения Троицкий храм стал

центром духовной жизни большого района. И в праздничные, и в будние дни сюда стекались многочисленные паломники.

В следственном деле священника Василия Разумова сохранился донос в органы НКВД председателя Троицкого сельсовета Афанасьева, в котором говорилось, что после назначения отца Василия в церковь стали ходить люди «со всех концов окружности как Троицкого сельсовета, а также и из других сельсоветов, а более всего ... из г. Нерехты». Особенно полюбились прихожанам молебны и акафисты, которые отец Василий, обладающий удивительным голосом и прекрасным музыкальным слухом, благоговейно совершал у святых мощей преподобного Пахомия.

В своей многотрудной деятельности отец Василий всецело пользовался поддержкой и опытом своего архипастыря, святителя Никодима, которому остался верен до смерти. Двух исповедников веры Христовой связывали не только административные отношения, но и тесные узы духовной дружбы. В 1936 году святитель Никодим дважды приезжал в Нерехту; часто отцу Василию приходилось встречаться с ним и в Костроме. В те годы святитель, рискуя собственной жизнью, постоянно оказывал материальную помощь священнослужителям, подвергавшимся преследованиям со стороны богоборческих властей. Неоднократно он делал это через отца Василия, которому полностью доверял и труд которого на благо Церкви очень высоко ценил. В ноябре 1936 года святитель Никодим удостоил отца Василия награждения наперсным крестом, а через несколько дней старца архипастыря арестовали. Вернуться на свободу ему уже не пришлось...

Служа в Троицком храме, священник Василий Разумов продолжал мужественно защищать страждущую Церковь, которой в это время пришлось переживать новое усиление гонений, связанное с завершением процесса коллективизации. Вместе с прихожанами храма весной 1936 года отцу Василию удалось не допустить готовившееся местными властями снятие колоколов с церковной колокольни. После того, как святитель Никодим был арестован, отец Василий решил на поразительный по своему мужеству поступок. На протяжении нескольких месяцев за богослужением он так поминал правящего архиерея: «Еще молимся о господине нашем, заключенном архиепископе Никодиме...». В годы антицерковных репрессий это было подвигом – ведь, с точки зрения гонителей, подобное публичное поминовение «врага советской власти» являлось настоящим «контрреволюционным призывом». Не будем забывать, что отец Василий уже имел к этому времени за своими плечами три года пребывания в лагерях и прекрасно понимал, что его может ожидать.

Мужественного исповедника Христовой веры арестовали 5 августа 1937 года сразу после окончания службы. Свидетельница ареста так вспоминает об этом:

«Закончилась литургия, и мы с мамой вышли из храма. Выйдя из ворот, мы увидели, что по дороге со стороны Нерехты движется конная милиция. Мама придержала меня, и мы увидели, как милиционеры вошли в храм. Все люди, кто был здесь, заплакали, потому что творилось что-то недоброе. У меня тоже забилось в тревоге сердце, потому что я испугалась милиции. Потом я увидела, как из храма вывели священника. Это был стройный, худощавый, светло-русый человек с добрым, сосредоточенным и печальным лицом, обрамленным бородкой. Его арестовали. Он шёл с непокрытой головой, очень печальный. Вот с того дня и прекратились богослужения в храме села Троица».

После первых допросов в Нерехте, входившей тогда в Ярославскую область, отца Василия отправили в областной центр. В Ярославле допросы продолжались в стенах печально известной тюрьмы в Коровниках. Как свидетельствуют материалы следственного дела, отец Василий держался в высшей степени мужественно, отрицая все предъявленные ему обвинения, в том числе и членство в «контрреволюционной церковно-монархической группе».

Через некоторое время отца Василия вновь отправили в Нерехту. По приговору тройки управления НКВД по Ярославской области от 19 сентября 1937 года священник Василий Разумов был приговорен к расстрелу. Приговор привели в исполнение 21 сентября, в день великого двенадесятого праздника Рождества Пресвятой Богородицы. Место захоронения священномученика неизвестно; по всей видимости, оно находится в ближних окрестностях Нерехты.

Народное почитание последнего священнослужителя закрытой и разоренной церкви села Троица не прекращалось в течение всего времени гонений на православную веру. О его подвиге знал каждый православный нерехтчанин.

Решением прокуратуры Костромской области от 27 апреля 1989 года священник Василий Васильевич Разумов был полностью реабилитирован. Весной 1993 года началось восстановление Свято-Троицкого храма; на этом месте был возрожден Пахомиево-Нерехтский монастырь, теперь ставший женским. Настоятельница обители игумения Алексия (Ремизова) и сестры, глубоко почитая память новомученика Костромской земли священника Василия Разумова, провели большую работу по сбору материалов о его жизни и мученической кончине.

Ныне, в благодатную пору воссоздания святынь нашего православного Отечества, прославление новомученика иерея Василия Разумова в лике местночтимых святых Костромской епархии укрепляет нас в решимости трудиться на благо Церкви, следовать благим путем исполнения заповедей Господних, уподобляя свою жизнь подвижническим трудам предстоящих ныне Престолу Господа Вседержителя новомучеников и исповедников Российских.

Святый священномучениче Василие, моли Бога о нас!

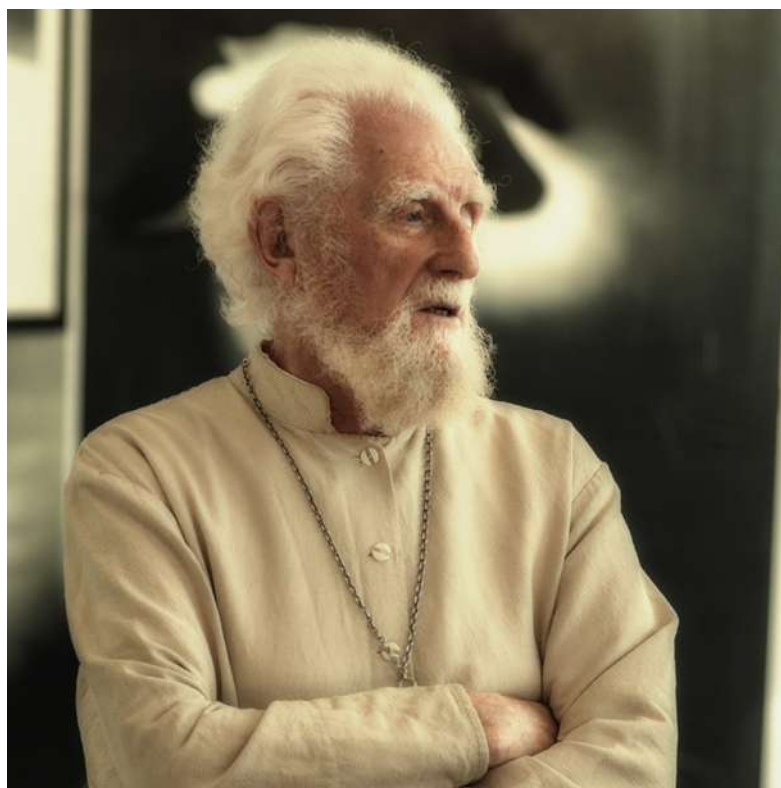
Факт

27 марта 1995 года благословлено местное почитание священномученика иерея Василия Разумова, а 28 мая 2000 года он был канонизирован в лике местночтимых святых Костромской епархии.

Юбилейный Архиерейский Собор Русской Православной Церкви 2000 года прославил иерея Василия Разумова в Соборе новомучеников и исповедников Российских.

«Да воскреснет Бог и расточатся врази Его»

Протоиерей Георгий Эдельштейн – о возрождении храма в Карабанове

В 2022 году исполнилось 90 лет протоиерею Георгию Эдельштейну – кандидату филологических наук, автору ряда книг, в 1992-2015 годах служившему настоятелем храма Воскресения Христова в селе Карабанове. Предлагаем читателям фрагменты из его книги «Записки сельского священника».

День второго рождения Воскресенской церкви села Карабанова

Рождение каждого прихода начинается с казенной бумаги.

«Учредителям религиозного общества

Выписка

из протокола № 14 Заседания Совета по делам религий при Совете Министров СССР 13 сентября 1990 г.

Слушали:

Представление Исполкома Костромского областного Совета народных депутатов от 15.06.90 г. № 718/7 о регистрации религиозного общества Русской православной церкви в с. Карабанове Красносельского района и предложение Совета по делам религий при Совете Министров РСФСР от 27.07.90 г. № 2125 о его регистрации и передаче культового здания.

Постановили:

Зарегистрировать религиозное общество Русской православной церкви и разрешить открыть молитвенное здание в с. Карабанове Красносельского района Костромской области.

Член Совета Г. А. Михайлов
Исх. № 2040. 17.09.90.»

Странная бумага. Как любая реальность советской действительности, сплошь составлена из фикций.

«Религиозное общество в с. Карабанове» – фикция, и его «учредители» – фикция. Пресловутая «двадцатка» – список двад-

цати учредителей религиозного общества – это нечто вроде купчей незабвенного Павла Ивановича Чичикова, просто правила игры в «слушали-постановили», в список попали случайные люди, согласившиеся расписаться в бумаге. Подписью ограничилась вся их деятельность по созданию общины в селе. Во всем «религиозном обществе» в 1990 году была одна-единственная живая душа – Борис Павлович Волин, только жил он к этому времени не в Карабанове, а в Иконникове, православным христианином себя никогда и нигде не именовал, а если кто-то из приятелей титуловал его в очередном то-сте «верующим атеистом», он не спорил и опрокидывал: выпить, мол, за что хочешь приятно. Да верует ли он в Бога? Не знаю. Я предпочитаю не лезть в чужую душу, если меня не приглашают. На цепочке для красоты носят крестик, а не веру. Впрочем, о Борисе Павловиче чуть позже.

Нечто кирпичное, высокопарно названное в бумаге за подписью члена Совета Г. А. Михайлова «культовым» или «молитвенным» зданием, по состоянию на день исторического решения от 15.06.90 г. – это 3,5 (ошибки нет, именно три с половиной) стены, без крыши, без окон, без дверей, без пола. В сводах из красного кирпича зияют огромные дыры, два кирпичных столба, поддерживающих остатки сводов, вот-вот рассыплются в прах. Слушали о передаче культового, постановили разрешить открыть молитвенное. Но зачем открывать, если входить и выходить можно по желанию с любой

из четырех сторон света в проломы, где когда-то были окна или двери. Можно бы и с пятой, сверху, если кому-то придет в голову такая фантазия. Вместо пола – болото, мерзкая зловонная жижа, где – по щиколотку, а где – чуть ли не по колено: колхоз «Советская армия», что в Ивановском, много лет сваливал тут минеральные удобрения, снег на них валил, дождь на них лил. К 1980-м годам, рассказывают знающие люди, наша страна развитого социализма в 1,5 раза превзошла США по производству этих самых удобрений. Оттого и сыплются стены, оттого и рушатся столбы. А три с половиной стены просто потому, что до склада была здесь МТС, трактору в церковную дверь не проехать, вот и своротили тутошние мужички-богоносцы северную стенку, а сверху положили перемычку железобетонную, чтобы крыша не рухнула на головы строителей светлого коммунистического будущего. [...]

Восточная половина храма – «летний храм» – сохранилась значительно лучше, чем западная – «зимний храм»: там зерно ссыпали, не удобрения. Потому даже штукатурка не вся осыпалась и – чудо! – роспись верхнего яруса видна. Там, где иконостас был, торчат металлические клинья – вот и план будущего иконостаса начертан. И на том спасибо большевикам, низкий поклон кузнецам республики всеобщего благоденствия: недовыполнили завет основоположников, пренебрегли призывом «до основания».

Указ правящего архиерея о назначении меня настоятелем несуществующего прихода я получил ранней весной 1992 года. Снег уже растаял, многие надели резиновые сапоги, но кое-кто еще ходит в валенках. Автобус останавливается у магазина, вот я первым делом и пошел в магазин, там все сословия собираются, сразу всех увижу. Поздоровался и объявил, что через три дня в храме будут первые службы – молебен о подвизающихся в восстановлении Божиих храмов и панихида о создателях, благоуказителях и благотворителях святого храма сего, о всех православных христианах, в гонимую лютейшую гонимую от злых безбожников Христа ради и Церкви Его Святой даже до крови мучивших-

ся и убиенных. На всякий случай написал на тетрадном листочке в клеточку такое же объявление и прилепил его к двери магазина. Но это уже лишнее: бабульки хоть глядели на меня с большим недоверием, не забудут без всякой бумаги все новости друг другу пересказать, а тут не новость – сенсация. Но словам моим, что храм восстановим, боюсь, ни одна тогда не поверила: очень уж жутко выглядел обезображенный остов «культового здания», такой не восстановить. Ни одна не пошла со мной месить смрадную болотную жижу, сапоги от нее разваливаются, а они ведь нынче в цене, никаких денег не хватит. Можно для первого раза и с дороги поглядеть, в проломы окон все отлично видно. Впрочем, я пока и не звал. Вынул из чемодана епитрахиль, иконку, крест, поставил в стакан с пшеницей свечу, расстелил на подоконнике платок, на него положил крест и Евангелие. Спел канон и стихиры Пасхи, где самые заветные мечты мои о храме сем, о веси сей и о всей Богохранимой стране нашей Российской: «Да воскреснет Бог и расточатся врази Его. Пасха священная нам днесь показася»; «Яко исчезает дым да исчезнут»; «Красуйся, ликуй и радуйся, Иерусалиме». И пошел первым пасхальным крестным ходом вокруг Воскресенского храма села Карабанова. «Аще и во гроб снисшел еси, Бессмертие, но – адову разрушил еси силу и воскресл еси яко победитель, Христе Боже». «Светися, светися, Новый Иерусалиме, слава бо Господня на Тебе возсия».

Через три дня на первую службу собралось человек 15-20, принесли из соседнего дома стол и два ведра, зачерпнули в речке Юрзовке воды, она здесь же под церковным двором течет. Скатерть, кадило, ладан, книги и всё остальное принёс в чемодане и рюкзаке. Отслужили водосвятный молебен, потом панихиду, окропили храм внутри и снаружи, чуточку духовно сами почистились и церковь от гнусиков почистили, теперь можно начинать и от мусора чистить. Работали все часа три, волокли в овраг всякую пакость, оставшуюся нам в наследство от хозяйничавших здесь татей и разбойников. Кто из воинствующих безбожников, закрывавших и паскудивших

православные храмы, мог поверить, что они закрывают их не навеки, что храмы воскреснут, восстанут из мертвых? Да что безбожники, много ли христиан твердо стояли в своем уповании, знали, что воскреснет Бог и расточатся врази Его? Евангельская история повторяется бесконечно: вернулись мироносицы с места погребения Спасителя, поведали о воскресении Его одиннадцати апостолам и всем прочим: «И явишася пред ними яко лжа глаголы их» (Лк. 24, 11).

Выбрали казначея, после службы она сдала мне 117 рублей 39 копеек. Можно начинать реставрацию. [...]

В Костромском государственном архиве мне выдали такую справку:

«Общине церкви Воскресения Христова

Архивная справка № 178
28.04.92.

О культовых и хозяйственных зданиях ц. Воскресения в с. Карабанове.

На Ваш запрос сообщаем, что церковь Воскресения Христова в с. Карабанове каменная с колокольней и каменной оградой вокруг храма была выстроена в 1833 г. на средства прихожан. Внутри ограды было устроено кладбище, на котором погребались умершие. В 1890 г. устроена каменная одноэтажная сторожка красного кирпича для караула церкви также на средства прихожан. Для жительства священника прихожанами в 1892 г. был куплен деревянный дом у вдовы умершего священника за 450 рублей (напротив храма). Дьякон и псаломщик жили в собственных деревянных домах, выстроенных на церковной земле.

Согласно клировым ведомостям за 1880-1917 гг., земли при церкви:

пахотной – 24 десятины 1830 кв. саженей;

сенокосной – 8 десятин 1959 кв. саженей;

неудобной – 4 десятины 1660 кв. саженей, из них под самой церковью и кладбищем находилось 600 саженей.

В церкви были освящены три престола: в холодной – во славу Воскресения Господа Иисуса Христа из мертвых; в теплой – в честь святого великомученика Димитрия Солунского и святителя и чудотворца Николая Мирликийского.

Основание: фонд..., оп., д., лл.»

Дома «для жительства священника» давно уж нет, говорят, сгорел. Были вокруг дома акации, яблони, вишни – ничего нет,

болото. Дьякона нет, псаломщика нет, и домов их тоже нет. Не только пахотной и сенокосной земли, даже неудобий в собственности прихода нет ни вершка. Ограды каменной нет уже лет 45, на бут и щебенку для коровников пошла. Здание одноэтажной сторожки красного кирпича сохранилось, но сторожки тоже нет: когда закрыли храм, в сторожку вселили какого-то алкаша из соседней деревни. Алкаш умер, дети разбрелись кто куда, мать переселилась на центральную усадьбу, в Ченцы, а сторожку подарила одной из своих дочерей, она её дачей называет, а в церковном дворе на кладбище рядом с могилами картошку сажает. Фамилия дачников – Комиссаровы, правду говорил Иван Денисович: Бог шельму метит. Два года по судам и присутственным местам ходили, запретили Комиссаровым кладбище распаивать, а со сторожкой всё никак, три года судимся.

В Козуре, неподалёку от Иконникова, храм святителя Николая, в Княжёве, в 7 километрах от Карабанова, придел во имя Николая Мирликийского. Написал я прошение архиепископу Александру, просил освятить один из приделов теплого храма во имя Новомучеников Петроградских – митрополита Вениамина, архимандрита Сергия, Юрия и Иоанна. Его Высокопреосвященство ни «да», ни «нет» не сказал, а мы их на каждой службе поминаем, тропарь и кондак Новомученикам на каждой Литургии поём.

Прежде здесь, неподалёку от Карабанова, было имение русской поэтессы Анны Ивановны Готовцевой (в замужестве – Корниловой), печатавшейся, любят рассказывать карабановцы, даже в «Современнике» А. С. Пушкина.

У южной стены нашего храма – кирпичный склеп, где покоится сама Анна, её сын Юрий Кор-

нилов и сестра – девица Мария. «Во блаженном успении вечный покой подаждь, Господи, душам усопших раб Твоих».

Память об усопших хранят и две чудом уцелевшие массивные плиты черного мрамора с выбитыми надписями. Когда в храме была мастерская, плиты мешали тракторам разворачиваться во дворе. Да не только эти плиты, все могилы мешали. Кресты повыдергали, ограды повыдергали, могильные холмики все до единого сравняли с землей. Кирпичный склеп Готовцевых остался на прежнем месте, его только землей засыпали и слегка утрамбовали, а плиты отволокли на восточную сторону, срыли там несколько «ничейных» могил, забетонировали площадку и вмуrowали в серый бетон черный гранит. Никто не забыт и ничто не забыто. [...]

Когда в первый раз ехал в Карабаново, ничего не знал об Анне Готовцевой, но загадочными нитями переплетается мой путь с её судьбой, с её семьей. На предыдущем приходе, в Ликурге, между двумя величественно гибнущими красавцами-храмами сохранилась древняя родовая усыпальница Готовцевых, родом они из Буйского уезда, не красносёлы. Ни на одной из тех старинных плит ничего уже не прочтёшь, всё тщательно сбито. Не из-за бугра

Церковь в Карабанове закрыли и разорили в самом начале 50-х годов, когда никакой особо свирепой кампании по борьбе с «опиумом для народа» и с «духовной сивухой» в общесоюзном масштабе не велось.

пришли враги, не злоумышленники трудились, не жидомасоны коварные планы свои осуществляли, просто огромный склеп много лет служил конюшней, лошади день за днем стёсывали гранит и мрамор копытами.

На том же приходе, где Ликурга, похоронена в селе Романцево у полуразрушенной церкви

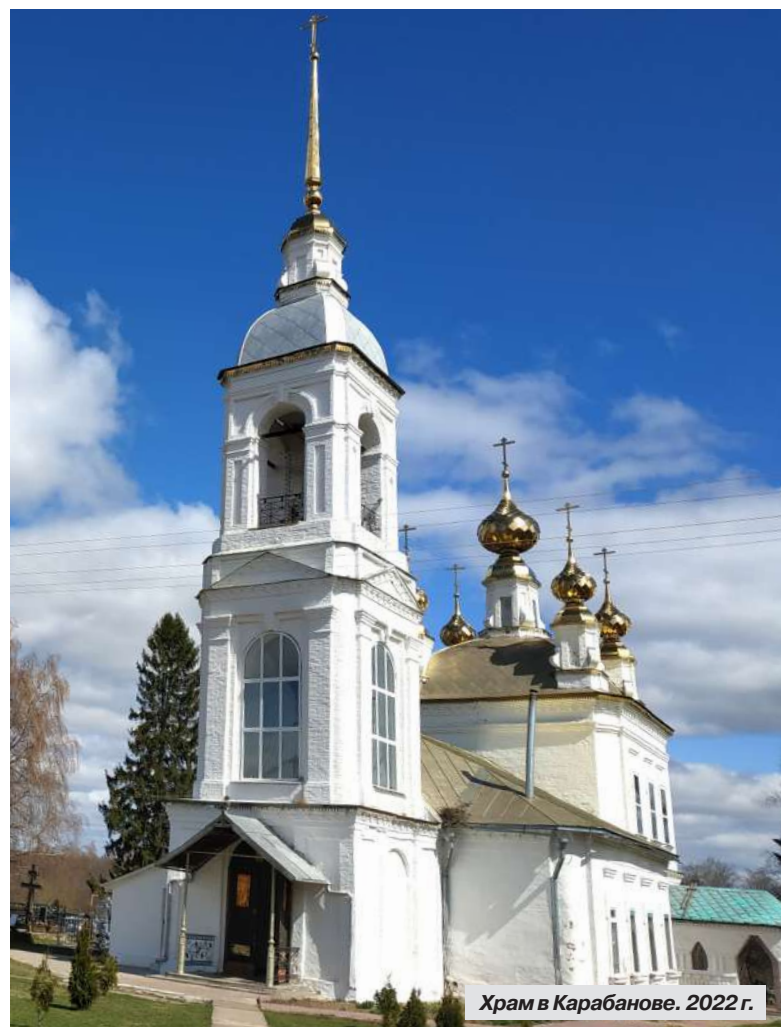
племянница Анны Ивановны поэтессы Юлия Жадовская, воспитывавшаяся в семье Анны. Её могила числится где-то «памятником культуры». Впрочем, и могила её тетки тоже. Жаль только, не успел я пока уточнить в соответствующих инстанциях, что – памятник: кирпичный склеп, который я с трудом под дорожкой отыскал и на штык лопаткой окопал, или плиты, что на чьих-то чужих могилах в 50 метрах от склепа на бетонную площадку положены? [...]

В Карабаново я попал совершенно случайно, разумеется, если допустить, что в нашей жизни есть случайности.

...Между склепом и надгробными плитами Готовцевых, на равном от них удалении, на почётном месте у южных врат летнего храма покоится прах активиста колхозного строительства Павла Фёдоровича Фёдорова. Имена ему достались от родителя все латинские да греческие, а если на русский язык перевести и разобраться – одна сплошная контрреволюция: «Павел» – «малый», «Феодор» – «Божий дар». Как жить с такими именами карабановскому Давыдову-двадцатипятилетиячнику? Папу не переменишь, значит, отчество не сменишь. К имени вся деревня привыкла. Если сменишь «Павла» на «Мэлса» или, на худой конец, на «Кар-

ла» или «Фридриха», все равно до конца дней своих останешься в деревне «Пашкой». Сменил он «Фёдорова» на «Волина», порвал с проклятым прошлым. Но доказывать преданность и верность большевик должен не только словами, но и делами. Дом, где поселили Волиных, – через дорогу от церкви, она ему – что бельмо на глазу. Вот он-то, вспоминая бабульки, ключи у старосты и отобрал. В те времена революционной романтики ключи от храма были чем-то вроде знамени полка: утеряно знамя, захвачено врагом – полк подлежит расформированию. Потом стало проще: зацепил тросом решетку ближайшего окна, дёрнул трактором, все замки и засовы изнутри открыл – вот и вся недолга, очаг дурмана и источник духовной сивухи ликвидирован. О ключах и прочих символах капитуляции прихожане сами забудут, когда церковь будет разграблена и опоганена, сами выкинут ключи.

Церковь Павел Фёдорович закрыл, а воспитанием сына пренебрёг, упустил, можно сказать, сына. Через 25 лет после смерти родителя Борис Павлович Волин решил хоть чем-то загладить папины бесчинства и безобразия. Написал куда надо, собрал по окрестным деревням ту самую пресловутую «двадцатку» учредителей «религиозного общества Русской православной церкви», несколько раз съездил куда-то на своей старенькой «Волге» и получил «выписку из протокола № 14 от 13 сентября

Храм в Карабанове. 2022 г.

1990 г.» за подписью Г. А. Михайлова: «слушали о культовом, постановили передать молитвенное». Потом Борис Павлович начал искать священника, который в такое гиблое место согласился бы поехать. Общеизвестно, что, по церковному понятию, не 20 человек, подписавших договор на пользование храмом, а все местные жители православного исповедания во главе со священником образуют «православное религиозное общество», т. е. приход. [...]

Естественно, Борис Павлович понимал, что существование обломков здания и «двадцатки» без священника не имеют никакого смысла, пошёл в епархиальное управление, там ему случайно кто-то обо мне рассказал. На следующий день мы встретились, через месяц подружились. Как раз незадолго до нашей встречи был я на конференции в США, и одна американская протестантская община пообещала мне деньги на реставрацию бедных сельских храмов. Вот я и попросил архиепископа Александра направить меня в Карабаново. Он направил и дал ещё два приписных прихода – в Княжёве и Козуре, такие же бедные, в вымерших деревнях по реке Покше.

Деньги обещаны, но это еще не значит, что даны, а Егор Тимурович Гайдар уже назначен премьером, цены отпущены, всё дорожает не по дням, а по часам, близится лето, работу начинать надо, на базах творится что-то невообразимое: одни и те же гвозди, трубы, цемент, кирпич и тысячи других вещей продаются «по старым» и «по новым» ценам, разница в несколько раз, в разных углах одного склада можно купить за те же деньги килограмм гвоздей и целый ящик. Такое, думаю, никогда больше в истории не повторится. Купили на одном из костромских заводов новую,

в смазке, машину ГАЗ-66, вездеход для сельского бездорожья, через неделю такая же машина на том же заводе стоила в шесть раз дороже. Я не экономист и не футуролог, но понимаю, что долго так продолжаться не может.

Одолжил тысячу долларов у одного приятеля, одолжил тысячу у другого, а отдавать пока нечем, благожелательные американские друзья регулярно шлют заверения в искренней и неизменной дружбе и сочувствии к православному христианам, призывают благословение Божие на наши многопользные труды. Приятели, видя, что я очень охотно занимаю, но не спешу возвращать долги, перестали давать тысячами, и я стал просить сотни.

Летом 1992 года в Карабаново приехала группа норвежцев. Жили неподалеку, в Иконниково, в бывшем пионерском лагере «Синие дали». Впервые в жизни они не могли принять утром тёплый душ, работали вместе с нами, шутили лес, разбирали кирпичную кладку уродливых пристроек к храму, приводили в порядок кладбище, о котором в архивной справке сказано, что на нём «погребались умершие», а потом уехали и через две недели прислали деньги, собранные для нас лютеранским пастором Инге Манцекером и ветеринаром Иоганнесом Оствайтом. Денег хватило и на уплату долгов, и на новую крышу. Потом с какими-то спортсменами случайно приехал пожилой баптист из Канады Рон и, ничего не объясняя и ни о чём не расспрашивая, дал столько же. На деньги норвежских лютеран и канадского баптиста восстановлена русская православная церковь в селе Карабанове Красносельского района Костромской области.

Эдельштейн Г. Записки сельского священника. М., 2005. С. 73-82, 84.

Храм в Карабанове. 1992 г.

Описание храма Богоявления из архива князей Вяземских

Историческое особенное описание о каменной Богоявленской церкви, состоящей Костромской губернии и округи в селе Красном, что при реке Волге, равно и о жителях того села, кто ими владел, и кто после кого, и в какое время, с 1564 года поныне, из разных старинных рукописей собранное того села священником Матфием Георгиевым Пиняевым.

Биографические данные о Матвее (Матфие) Георгиевиче Пиняеве содержатся в примечаниях к пятому тому издания «Остафьевский архив князей Вяземских»:

«Подпись его в метрических книгах Богоявленской церкви села Красного встречается с 1802 г. (более ранних книг не имеется); последняя подпись – 19 сентября 1829 года. Умер о. Матвей 14 октября 1829 г. вдовствующим, 65 лет, от чахотки. После о. Матвея осталось какое-то имение, доходами от которого пользовался потом брат его, плёсский подканцелярист. Об образовании о. Матвея сведений в бумагах церкви не осталось, но, судя по тому, что он в 1800 году был духовником ставленников при Костромском кафедральном соборе, нужно полагать, что Пиняев имел семинарское образование».

В «Списке воспитанников Костромской духовной семинарии в 1762–1815 гг.», составленном краеведом Галиной Брезгиной на основе документов Государственного архива Костромской области, о М. Г. Пиняеве даются следующие сведения: сын диакона, родился в 1765 году, окончил Костромскую духовную семинарию; с 1789 года – священник Богоявленской церкви села Красного.

Один из документов Остафьевского архива даёт основания уточнить дату смерти: 13 октября 1829 года, о чём упомянуто в донесении управляющего вотчиной Д. Раменцова.

Полный текст «Исторического особенного описания...» будет опубликован в десятом выпуске сборника «Музейный хронограф».

При всем попечительном старании не можно было отыскать такового никак сведения, когда в селе Красном самой древней архитектуры каменная Богоявленская церковь построена, а только из духовных завещаний древних господ Ивана Будаева и Евфросиньи Вельяминовой видно, писанных еще в 1564 году и хранящихся в архиве поныне Троицкого Ипатьевского монастыря, что она Богоявленская церковь и тогда уже существовала.

Сотная же грамота 146 года (7146 год от Сотворения мира, то есть 1638 год от Рождества Христова. – Прим. ред.) объясняет, что строена она в селе Красном Богоявленская церковь старанием и усердием стольника Дмитрия Ивановича Годунова, а в котором году – не означено; и в оной грамоте частью видна и опись церковных утварей, самым древним штилем, где включены были сосуды, дискос и блюдца деревянные, а звезда оловянная; также помещены некоторые иконы, как и поныне в церкви существуют. А сосудов с прибором уже не видно; кем же утрачены, не известно.

Кто же были священники, долго ли служили до 1729-го, не значится нигде. Поелику тогда по каковому-либо обстоятельству священники не старались вести правильного каталога.

По духовным же завещаниям помянутых господ Будаева и Вельяминовой видно, что издревле селом Красным владела и управляла фамилия стольников Годуновых. А каким переверотом оное село Красное с приписными к нему приселками и деревнями перешло из рук Годуновых и их преемников в ведомство главной дворцовой канцелярии – также не известно; а только вероподобно потому, что знаменитый стольник Борис Федорович Годунов, как имел великую страсть к скотоводству, что видно из его жизни, то по причине многого обилия угодий в оном селе и состроены были по его приказанию конюшни и разведено было много коней и рогатого скота.

Когда же сановитый стольник Борис Федорович Годунов проискался и хитрыми вымыслами

умел взойти в 1595 году на российский царский престол, то, может быть, по воле своей изволил указать селу Красному именоваться дворцовым, а не годуновским имением, куда и посылались от дворцовой канцелярии для управления крестьян и распоряжения заводов дворяне.

По смерти же Бориса царя и сына его Федора Борисовича село оное и находилось в дворцовом ведомстве до времен императрицы Елисаветы Петровны, которая всемиростейшей по жаловала оное село с деревнями Обрамовой (современное название – Абрамово. – Прим. ред.) и Сухарой 1762 года ноября 10-го дня в вечное и потомственное владение господину ротмистру Петру Григорьевичу Бутакову; а прочие приселки и деревни остались по-прежнему в дворцовом ведомстве до времен государя императора Павла I. Ротмистр же Бутаков владел селом Красным и деревнями Обрамовой и Сухарой только по 1769 год, в котором августа 6-го и помер. А как не было у него родных, кроме племянника корнета Нико-

лая Бутакова ж, удаленного за какие-то преступления в Нерчинск, а жена ротмистра Бутакова по смерти его владела седьмой частью до 1813 года, в котором и померла. До возвращения же наследника корнета из Нерчинска крестьяне красносельские, обрамовские и сухарские господской повинности никому не платили с 1769 по 1772 год, кроме казенного.

Когда ж возвращен был наследник корнет в Санкт-Петербург, то в скором времени и продал село Красное с двумя деревнями Обрамовой и Сухарой его сиятельству князю Василью Андреевичу Вяземскому, а сей князь немало не медля – брату своему родному, господину действительному тайному советнику, сенатору и разных орденов кавалеру князю Ивану Андреевичу Вяземскому, который и владел оным селом и деревнями до 1789 года, в коем, к неудовольствию всех крестьян, волею Божиею помер. При владении его в последний год посещения его в вотчину означенная в селе Красном церковь была распространена и поправлена его собственностью княжю.

Наследство сего князя принял равного ж с ним чина сын его князь Андрей Иванович Вяземский, а по нем с ... года (в рукописи оставлено место для даты. – Прим. ред.) владеет сын его князь Петр Андреевич Вяземский и поныне.

РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 41-41 об.

Публикацию подготовили: **Галина Камыгина**, старший научный сотрудник Красносельского филиала Костромского музея-заповедника; **Анастасия Маслова**, кандидат искусствоведения; **Сергей Вершинин**, независимый исследователь.

Сеть

Костромское церковно-историческое общество

Сайт: kcio.org

«ВКонтакте»: vk.com/kcio_org

«Одноклассники»: ok.ru/kcio.org

Из «Автобиографического введения» князя Петра Вяземского:

«Однажды приехал я в свою костромскую вотчину, в известное в краю торговое и промышленное село Красное. В воскресенье, по совершении обедни, священник сказал мне в церкви приветственную речь. Говорил он с жаром, народ слушал с благоговением. Выхваляя мои гражданские и помещичьи доблести, продолжал он, указывая на меня: «Вы не знаете ещё, какого барина Бог вам дал; так знайте

же, православные братья! Он русский Гораций, русский Катюлл, русский Марциал!». При каждом из этих имен народ отвешивал мне низкие поклоны и чуть не совершал знамения креста. Можно себе представить, каково было слушать мне и какую рожу делал я при этой выставке и классической попытке.

1878 г.

Воспоминания

«Красносельский светочь» издаётся при поддержке Алексея Соколова и ювелирной компании SOKOLOV.

«Красносельский светочь»: Приложение к альманаху «Светочь». 2022 г.

Редакторы: протоиерей Дмитрий Сазонов, кандидат богословия, председатель Костромского церковно-исторического общества; Николай Сорокин, кандидат исторических наук, председатель правления Костромского центра региональных исследований.

Издатели: ООО «Костромское церковно-историческое общество» и ООО «Костромской центр региональных исследований».

Адрес: 156013, г. Кострома, пр-т Мира, д. 94, оф. 1, КЦРИ. E-mail: history@kcio.ru

Историко-просветительское издание. Тираж: 10000 экз. Распространяется бесплатно.